

Механизмы кризисной консолидации

Экономический кризис и снижение доходов населения сбили волну патриотического возбуждения, поднятую аннексией Крыма, но в целом идеологические и политические установки населения не изменились. Консолидация российского общества слабеет, но поддержка нынешнего режима практически столь же высока, как весной 2014 года. Одобрение деятельности Путина и сегодня остается на уровне 80–82%. Ответственность за ухудшение положения дел в стране переносится на США, проводящие, по мнению россиян, враждебную по отношению к России политику, и одновременно перекачивается на нижестоящие уровни власти и управления: на Дмитрия Медведева, чей рейтинг сильно просел за последние два года, на правительство в целом, на губернаторов, на местные власти и в особенности на Госдуму.

Кризис и ослабление мобилизации обнажают скрытые ранее механизмы социальной организации общества. События 2014–2015 годов — не первый случай массовой демонстрации солидарности с властью. Если не считать горбачевской перестройки или взлета надежд (совсем скоро оказавшихся иллюзиями) в начале ельцинских реформ, то при Путине особое состояние общества наблюдалось в 1999 году (после терактов в российских городах и возобновления чеченской войны), в 2003–2004 году, в 2008-м и весной 2014-го¹. Фоном этих мобилизаций были бомбардировки НАТО в Сербии, война в Ираке, трагедия в Беслане, вступление балтийских стран в ЕС и НАТО, резонансные выборы на Украине,

война с Грузией, наконец Майдан, присоединение Крыма и война в Донбассе. Все они эксплуатировали антиамериканские мотивы, соединяя в одну риторику массового ресентимента, патриотизма и реванша.

Состоянию коллективного воодушевления и безудержного национального самовосхваления всякий раз предшествовала фаза массовой дезориентированности, фрустраций, раздражения, иногда — острого страха. Наблюдаемые волны подъема и спада общественных настроений — это реакции общества на резкие изменения институциональной структуры государства. Если предыдущие кризисы были вызваны последствиями распада советской системы и возникновения нового социального порядка (“ельцинской демократии” и рыночной экономики), то проблемы путинского режима, начавшиеся в 2011–2012 годах, связаны с исчерпанием его ресурсов, не только экономических, но и социальных — интеллектуальных, кадровых, идеологических. Легитимность и стабильность действующей системы господства держатся на государственно-патерналистских иллюзиях населения (подпитываемых за счет перераспределения нефтяных доходов государства) и безальтернативности власти, которая обеспечивается покупкой лояльности коррумпированных социальных элит и бюрократии.

Сфера государственного влияния за 16 лет путинского правления очень существенно расширилась: доля финансовых активов, кон-

тролируемых государством, выросла с 26–27% (1998–1999 годы)² до 62% в 2015 году. Увеличилась, соответственно, и численность “государственно зависимых работников” — бюджетников, сотрудников правоохранительных органов, чиновников, служащих, рабочих госпредприятий. Обратной стороной этого процесса стало подавление политического плюрализма и автономии гражданского общества, а также негативный отбор кадров, осуществляемый на основе лояльности, а не компетентности. Последствием этого неизбежно становилось снижение эффективности управления, апроприация властных позиций бюрократией среднего уровня и рост теневой экономики.

Кризисы в постсоветской России всякий раз вытесняли на периферию, “маргинализировали” наиболее продуктивные группы, одновременно поднимая на поверхность ниже лежащие слои стертых и банализированных представлений. Сбой в авторитарных системах всегда происходит в центральных звеньях власти, но система стабилизируется и выживает за счет понижения общего уровня социальной элиты, которая является опорой власти, а также общества в целом. Кажущаяся устойчивость режима обеспечивается подтягиванием в центр исполнительской “периферии”, силовиков, людей с меньшими социальными и культурными ресурсами, менее образованных и компетентных, но более покладистых и зависимых.

Символические рамки внешней политики России

Старая формула “добрый царь и худые бояре” вполне подходит для описания привычного восприятия россиян. В массовом сознании правительство (“бояре”) должно обеспечивать благополучие граждан и выполняет эту функцию неудовлетворительно. Президент — нечто иное. Он воплощает в себе коллективные ценности и представления о национальном целом; его роль — представительство и защита национальных интересов России. Наводимая пропагандой аура “харизматического лидера”, “вождя нации” может быть понята

и оценена только в контексте мифов российской истории — извечной борьбы с внешними врагами, колонизации, военных побед, поражений и нового возрождения. Действия Путина в сфере внешней политики воспринимаются населением как его главные достижения. Все остальное — “борьба с преступностью” или “с терроризмом”, с коррупцией чиновничества, тем более его экономическая политика — мало кого впечатляют и оцениваются скорее как неудачные. Напротив, сфера международных отношений, лежащая вне рамок повседневного опыта обычного человека, нагружена особыми значениями — национальной чести и величия страны, защиты ее авторитета и безопасности³. Именно эта сфера объединяет рыхлое российское население в коллективное целое, компенсируя дефициты и комплексы неполноценности частного существования граждан.

Вся кампания коллективной консолидации 2014–2015 годов (“Крым наш”) построена на внешнеполитических мотивах и сюжетах. Положение внутри страны оказывается проекциями геополитики с ее устойчивыми темами мировых заговоров и раздела сфер влияния. Эрозия легитимности путинского режима, ставшая очевидной в ходе массовых протестов 2011–2013 годов, побудила кремлевские власти активизировать действия против тех, кого они считали источником и причиной дестабилизации в стране: сторонников реформ, представителей гражданского общества, либералов, ориентирующихся на образцы западной демократии. Развернутая против них кампания утверждала, что подобные убеждения разделяют лишь маргиналы, экстремисты, чуждые национальным традициям и духовным ценностям России. Как бы они себя ни называли, “объективно” они оказываются на стороне сил, враждебных режиму, который в рамках этого дискурса отождествляется со всей Россией, ее прошлым, настоящим и будущим.

На ранних этапах основной угрозой, от которой Россия должна защищаться, был “международный терроризм” и “сепаратизм” — именно так интерпретировались события в Чечне. Затем угрозой стали “цветные революции”, которые внешние силы стреми-

лись экспортировать в Россию. Вкупе с темой “приближения НАТО к границам России” они создавали атмосферу враждебного окружения и антироссийских заговоров. Пропаганда постепенно сдвигала акцент с вопросов внутренней политики (модернизация, правовое государство, формирование среднего класса как основы социальной стабильности, соци-

альная справедливость) на внешнеполитические сюжеты — национальную безопасность и геополитику, с одной стороны, и необходимость перевооружения армии, повышения эффективности спецслужб и полиции — с другой. Одновременно внутренняя политика приобретала все более репрессивный характер.

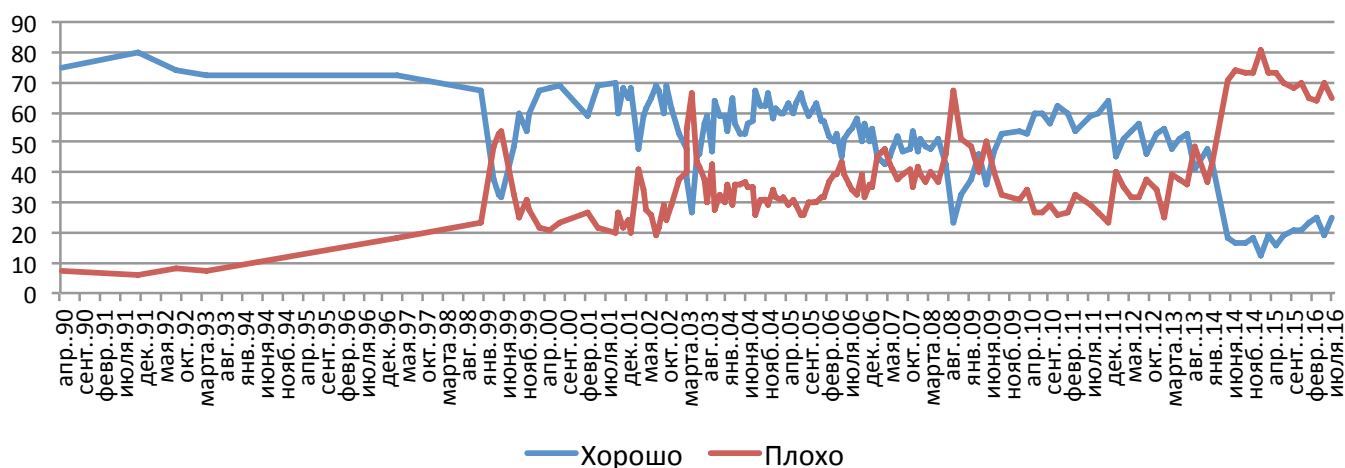

Рисунок 1. Как вы в целом относитесь сейчас к США?

Антизападная пропаганда

Эффективность антизападной пропаганды среди прочего связана с тем, что воображаемому Западу (в первую очередь — руководству, политическим кругам США) приписываются те качества, мотивы, этические представления, которые, по мнению россиян, присущи именно российской власти. Стереотипы поведения политиков других стран, навязываемые пропагандой и системой социализации, легко опознаются как общие для всех (включая “своих”). Это не просто суждения по аналогии с собственным повседневным опытом, рождающиеся из неспособности представить себе другую политическую культуру, — причина в защитной функции, которая ограничивает понимание и воображение. Перенос негативных оценок на других помогает подданным агрессивного государства освободиться от комплексов собственной ущербности. Поэтому

рост антиамериканизма (См. Рисунок 1) и антизападничества в целом стал оборотной стороной роста самоутверждения россиян, последовавшего после Крыма. За два года (июль 2012 — август 2014) число опрошенных, заявивших о том, что их самооценка поднялась за последние годы, выросло с 27% до 44%; доля ответов “Россию стали больше уважать в мире” — с 25% до 45% (в 1,8 раза). Прежние сомнения россиян в том, что Россия способна вернуть себе статус “великой державы”, рассеялись: уже после войны с Грузией они поверили в то, что путинская Россия ведет себя именно так, как полагается сильному государству, как вел бы себя СССР (Таблица 1). Чем выше гордость за страну, тем сильнее вытесняются “обидные” для коллективного сознания (никогда полностью не уходящие) представления о России или СССР как отсталой и бедной стране. Вместе с гордостью за страну укореняются и представления о том, что России ни к чему

Таблица 1. Является ли сегодня Россия великой державой?

	1999-2015	99. V	00.IV	01.IX	04. III	05. XI	06. XI	07. XI	09.VI	10. XI	11. XI	14. III	15. III	16.V
Определенно да + скорее да		31	53	40	39	30	43	53	61	55	47	63	68	67
Скорее нет + определенно нет		65	43	57	57	67	52	42	33	41	46	32	27	23
Затруднились ответить		4	4	3	3	3	4	5	6	4	6	5	6	10

усваивать чужие принципы и ценности (демократии, права, достоинства человека),

соответствовать нормам права и поведения, присущим развитым странам (Таблица 2).

Таблица 2. Как вы считаете, следует ли нам обращать внимание на критику со стороны Запада?

	2007. II	2010. II	2012.II	2014. XII	2015.X
Да	46	42	38	27	28
Нет	38	45	50	57	62
Затрудняюсь ответить	16	12	12	16	10
N=...	1600	1600	800	800	1600

В Мюнхенской речи Путина, произнесенной в феврале 2007 года, внешняя политика России приобрела черты геополитической миссии — отстаивать не просто территориальную целостность и безопасность страны, но и нести свое послание “одряхлевшему и клонящемуся к закату” Западу, утратившему свои традиции и мораль. Эта миссия оформилась с возвращением Путина в Кремль в 2012 году и особенно после присоединения Крыма: Россия возродилась как “великая держава” благодаря силе национального духа и сохранению христианских ценностей, а также мощной и обновленной армии. В качестве “великой державы” она имеет свои интересы и право силы, освященное ее прошлыми заслугами перед народами Европы, которых она освободила от фашизма. Русские — особый народ в мировой истории потому, что для них государство имеет духовный смысл. Государственный патриотизм — это и есть русская “национальная идея”. Подобное понимание внешней политики разделяет чекистское окружение Пути-

на, стремящееся к тому, чтобы именно так население России интерпретировало действия российской власти на международной сцене.

Резкое усиление негативного отношения к западным странам сопровождалось ослаблением массовых ориентаций на Европу (базовых для национальной идентичности русских) как источник модернизационных представлений. Одновременно была отвергнута необходимость институциональных реформ в России, а вместе с этим и представление о желаемом или возможном лучшем будущем. Население не сразу, но все же согласилось принять такую трактовку России, если “государство будет заботиться о людях”. Тем самым идея несовместимости России с западной демократией и культурой получила массовое признание, а вскоре общество одобрило и ограничения, направленные на то, чтобы оградить его от влияния чуждой западной морали, идеологии либерализма и “прав человека”.

Чувство принадлежности к западной куль-

туре, которое оставалось важным элементом самосознания русских в 1990-х годах, стало ослабевать уже во второй половине 2000-х; к началу 2010-х годов общественное мнение уже активно отрицало связь России с Европой. По отношению к миру установился символический барьер: убеждение, что “мы, Россия, русские — это особый мир, особая цивилизация”, отличная от Европы или США, а потому к России неприменимы те мерки (демократии, прав человека, экономического благосостояния), что к другим странам. “Мы великие, а потому «другие» нам не указ”.

Благодаря этому представлению санкции, введенные Западом против России, не воспринимаются как “плата” за нарушение норм международного права, а напротив, расцениваются как свидетельство растущей силы России на международной арене, признания ее авторитета конкурентами, которые пытаются ослабить ее влияние.

Главная заслуга в восстановлении авторитета России в мире приписывается Путину. На этом, собственно, и держится массовое признание его фактическим самодержцем, благодаря которому общество “не слышит” обвинения в злоупотреблении властью, в коррупции, в презрении к людям и жестокости, которые оппозиционеры публикуют в интернете.

Показательны изменения в составе “дружественных” государств за последние 10 лет: на первые позиции вышли авторитарные режимы, а западные демократии практически ушли из этого списка, включая Германию (симпатии к которой в 2015–2016 годах ослабли с 23 до 2%, а враждебность выросла с 3 до 19%).

Бюрократизация, страх, отсутствие будущего

Распространено представление, что в авторитарных или деспотических режимах пассивное состояние общества — это норма, что такое отношение населения к власти “естественно”, обусловлено “исторически”, “архетипами культуры”. Отсюда как будто следует, что устойчивость режима определяется исключительно соотношением сил в центре

системы, решительностью сравнительно многочисленных властных группировок. Соответственно, модель верхушечного переворота или распада высшей власти, конфликта интересов внутри властной элиты и т.п. оказывается единственной парадигмой для прогнозирования возможной эволюции авторитарных режимов. Иногда она сопровождается столь же иррациональной схемой внезапных массовых волнений, сметающих утративший популярность режим, — что, в рамках данной объяснительной модели, открывает дорогу к демократическим реформам, модернизации и т.п.

И схема предполагаемого “раскола элит”, и схема “революции снизу” вынужденно исходят из одного и того же методического обстоятельства: закрытости самой сферы власти (непрозрачности принятия решений), или, что то же самое, ее персонализации. Путин — синоним суверенности власти; в России все зависит от одного человека.

В действительности “пассивность” населения — результат весьма эффективной технологии власти. Формирование “консенсуса” политического неучастия, “апатии” — важнейший элемент стратегии господства. Без учета этого фактора представление о положении дел в России неизбежно искажается, а вероятность катастрофических прогнозов относительно ближайшего будущего путинского режима оказывается переоцененной. Это означает, что описываемое состояние массового сознания должно включаться в анализ политической системы в качестве критерия ее эффективности; способность воспроизводить массовую апатию как форму лояльности — важнейшая функция правящей элиты и главное условие ее устойчивости. От этого зависит контроль “суверена” над ближайшим окружением, а значит — и над опорными силовыми структурами. Политическая полиция, сохраняя свой статус экстраправовой (“специальной”, “особой”, а потому — “тайной”) институциональной службы, никем не контролируемой, кроме верховного правителя, играет принципиальную роль в качестве а) системообразующей конструкции, пронизывающей ключевые институты управления и перераспределения ресурсов, и б) кадрового ресур-

са для контроля во всех институциональных сферах, аналога “внутренней партии”, правомочия которой основаны на личном доверии “суверена”. Поэтому роль выходцев из КГБ и их функции в других структурах управления, прежде всего в других силовых ведомствах, не сводятся только к контролю, применению насилия или публичной демонстрации угрозы принуждения. Более важным оказывается создание условий манипулирования коллективными представлениями, навязывание населению правил игры, которые побуждают людей по собственной инициативе вырабатывать нужные власти нормы поведения, устанавливать для себя границы допустимого — о чем можно говорить, а о чем лучше молчать или вообще не думать.

Антизападные установки последовательно разрушают представление о сложности общественного устройства и значимости коммуникативных посредников. Альтернативные представления о разнообразии социальных групп, их идей и интересов, необходимости их институционального представительства не исчезают, но теряют убедительность — их вытесняют патерналистские представления о собственном обществе, солидарном с властью. Этот механизм позволяет понять, почему после милитаристской и шовинистической мобилизации и возбуждения 2014–2015 годов последовало не отрезвление (рационализация последствий внешнеполитических и военных авантур власти), а редукция представлений об окружающем мире и процессах внутри самой России к примитивной политической антропологии, в основе которой — хищничество держав, право сильного государства, дающего партикулярную защиту, но только для своих и лояльных.

Прирост доходов в 2003–2012 годах и расширение диапазона потребительских благ и услуг способствовали экстенсивному росту текущего потребления. Однако хотя благосостояние выросло, оно не изменило саму структуру потребления: не увеличились инвестиции в человеческий и социальный капитал — в жилье, в образование, здравоохранение, солидарные отношения с окружающими — а именно такие изменения характерны для процессов модернизации⁴. Поэтому конец потре-

бительского бума ведет не к протестам против снижения уровня жизни⁵, а к снижению уровня аспираций при неизменной структуре интересов и потребительской идентичности; при этом сокращаются расходы именно на те статьи, которые определяют будущее людей или их детей. Модель бедного общества сохраняет здесь свою силу и значимость, а потому стагнация, рецессия и последующий экономический кризис не вызывают острого недовольства; реакцией на снижение доходов оказывается снижение претензий к власти, выражаемое формулой “могло бы быть хуже”⁶. Непонимание этих реакций является причиной ложных прогнозов о социальных взрывах в недалеком будущем.

Сила авторитаризма — в отсутствии сопротивления произволу власти и даже попыток призвать власть к ответственности перед населением. Власть — в отличие от фрагментированного и атомизированного населения — организована.

Политика контроля и процесс ресоветизации

Стерилизация публичного пространства в России не сводится только к прямым репрессивным акциям и политике властей. Да и преследование оппозиционно настроенных активистов на нынешнем этапе — конечно, не террор и не массовые репрессии сталинского времени. Одним из главных методов сегодня является вытеснение критических дискуссий, включая и мнения экспертов, в своего рода “отстойники”, главным образом в интернет, лишенный связи с легальным и институциональным представительством групповых социальных интересов. Тем самым эти мнения, реакции общественности фактически нейтрализуются и теряют свою социальную и аттрактивную силу.

Не менее сильное воздействие, куда меньше отмечаемое аналитиками, оказывает растушая тотальная и мелочная регламентация общественной и частной жизни. Бюрократизация, умертвляющая частную инициативу и ответственность, затронула в первую очередь те сферы, которые связаны с инди-

видуальным творчеством и инициативой — науку, культуру, образование, публичную деятельность, малое предпринимательство. Политика контроля порождает множество социальных противоречий и правовых коллизий. Но подобные дисфункции усугубляют коррупцию, судебный и административный произвол, а потому в их производстве заинтересованы те, кто причастен к распределению власти. В результате в обществе усиливается сознание общей незащитности (“наученной беспомощности”), повседневной зависимости и безадресного страха.

Однако насилия, принуждения и мелочного контроля недостаточно для манипулирования населением — необходимо еще позитивное начало, консолидирующее аморфную, фрагментированную массу людей в нечто единое. Нынешняя технология господства путинского режима предполагает выполнение двух условий:

- блокирование коммуникативной структуры общества и последующее подавление возможностей его самоорганизации (сети межгрупповых связей и социальных технических средств коммуникаций, источников и каналов информации); ограничение, вплоть до запрета, деятельности общественных организаций, НКО, объединений, интернет-сайтов;

- установление монополии на репрезентацию и обсуждение коллективных символов (включая запреты “фальсификации истории”, “оскорбления чувств верующих”, “разжигания социальной ненависти в отношении определенных социальных групп” — полиции, депутатов; использование законодательных норм о “клевете”, вмешательстве в частную жизнь).

При выполнении первого условия второй фактор активизируется “автоматически” — другого идеологического ресурса, кроме прошлого, нет, а потребность в объединяющих символах и коллективных представлениях очень велика, особенно в ситуации дезориентированности и страха в обществе. В обществе утвердилось прочное ощущение: “надо быть «своим»”.

Сегодня информационное поле в значительной степени находится под контролем

Кремля. Разрыв межгрупповых коммуникаций и, соответственно, резкое сокращение многообразия общественных объединений происходит не только в результате прямой цензуры или полицейских акций (налоговой службы, прокуратуры, Роскомнадзора, Минюста, ФСБ и т.п.) Сами по себе они были бы не столь эффективны, если бы не сопровождались созданием множества выступающих от имени “общества” — “большинства” населения или отдельных, идеологически значимых, категорий — имитационных структур: “верующих”, “патриотов”, “общественных палат” разного калибра, союзов ветеранов, ОНФ, “казаков”, “Народного собора”, “Антимайдана”, “Боевого братства”, “хоругвеносцев”, “институтов стратегических инициатив” и прочих⁷. Проправительственные “общественные” организации, финансируемые за счет бюджета⁸, присваивают себе право говорить от имени “общественности”, маргинализуя независимые от государства организации гражданского общества. Поскольку на всех каналах государственных СМИ представлены в первую очередь голоса проправительственных организаций, они способствуют созданию атмосферы давления идеологических “коллективных представлений” на растерянное население.

Отсюда — скукоживание публичного пространства, уход в частную жизнь и в повседневные проблемы выживания. Оппозиция полностью дискредитирована и в общественном восприятии практически отсутствует⁹. “Интерес к политике” (хотя бы в форме зрительского участия) медленно, но устойчиво снижается до минимальных значений. Как и внимание к парламентским выборам (которое и прежде было довольно вялым), и готовность принять в них участие; выборы без выбора воспринимаются как скучный, бессмысленный, но обязательный церемониал голосования.

Процесс социальной и интеллектуальной деградации не был бы столь разрушительным, если бы не принципиальные изменения в характере социальной элиты, произошедшие за время руководства Путина и смены состава правящего класса. После того как “демократы” и “реформаторы” оказались вытеснены из власти, элита окончательно перестала быть

источником образцов для других групп (и массы в целом), с которым хоть в какой-то степени связываются надежды на лучшее будущее. Пришедшая на смену ельцинским “либералам” корпорация “православного чекизма” воплощает в себе представления о человеке, характерные для массы населения, никогда не жившей в ситуации потребительского изобилия (равно как и в атмосфере уважения и защиты от насилия). Логика поведения акторов политической системы определяется целями сохранения собственного положения и связанных с ним преимуществ (привилегий, доходов и проч.); тем самым они заинтересованы в консервации системы, а не в ее эволюции. Представители путинской элиты по своему предназначению — рутинизаторы, свою роль они видят в том, чтобы нейтрализовать идеологию модернизации и защитить население от вестернизирующего влияния как разрушительного для национального духа. В позитивном плане (помимо использования своего положения для личного обогащения) они считают своей целью восстановление той системы, которая и сегодня является для них символическим образцом: государство позднесоветского времени. Это не случайный выбор, такие паттерны сознания заложены в период социализации этого поколения сотрудников КГБ. Они свободны от коммунистической идеологии, умершей к началу их взрослой деятельности, но тем в большей степени пронизаны сознанием исключительной значимости своего статуса — причастности к “государевой службе” — и охранительного консерватизма.

Однако в отличие от советской номенклатуры, представители которой выслуживали свой чин и статус, поднимаясь по ступенькам иерархических структур, а потому сознавали себя менее зависимыми от непосредственного начальства, состав нынешних элит состоит из “выскочек”. Своим карьерным успехом они целиком обязаны конкретному лицу, отчего гораздо сильнее повязаны с вышестоящим руководством, включенным в коррупционные связи и отношения круговой поруки.

Подобное формирование элит имеет ряд последствий:

- 1) доходы элиты слабо связаны с общим экономическим положением в стране (у них другие источники обеспечения);
- 2) проводимая в ограниченных масштабах чистка кадров и аресты отдельных губернаторов и чиновников консолидируют и дисциплинируют персональный состав верхнего (или верхнего среднего) слоя элиты, бюрократии, крупного бизнеса, привязывая их к путинскому курсу. Репрессивные меры (“национализация элит”, меры против оффшоров, контроль государства над крупным производством и т.п.) обеспечивают демонстрацию лояльности и преданности “вождю”;
- 3) идеологическая спайка высшего слоя и окружения главы государства достаточно сильна.

Члены окружения лидера, несомненно, могут предать его (и даже быстрее, чем советская номенклатура при Горбачеве), но только в том случае, если, во-первых, осознают, что его игра проиграна, и, во-вторых, если увидят, что есть альтернативный выход для них лично. Однако пока подобные симптомы острого конфликта интересов не наблюдаются, а накапливающиеся проблемы удается решать ценой снижения уровня жизни основной массы населения — ход привычный, хотя и несколько рискованный.

Но консенсус лояльности наверху ничего не говорит о ситуации в средних эшелонах власти и тем более — в обществе. Как раз средние звенья бюрократии, непосредственно связанные с проблемами граждан, острее чувствуют напряжение в обществе и вынуждены реагировать на него, тем самым в каком-то смысле оказываясь представителями населения в высших структурах власти. Усиление репрессивности режима означает, что институциональная система все менее способна реагировать на внешние и внутренние функциональные вызовы. А это, в свою очередь, влечет за собой незащищенность и нестабильность этого среднего звена, а также отсутствие перспектив карьерного роста. (Стоит помнить, что именно этот слой управленцев был если не инициатором, то активным участником горбачевской перестройки).

Расширение полицейского произвола

оборачивается усилением массовых страхов, чувством неопределенности частного существования, которые, в свою очередь, в ситуации экономического кризиса и слабой рационализации текущих событий превращаются в страх перед “большой войной”. Начиная с 2012 года опросы общественного мнения фиксируют нарастание не только диффузной тревожности в обществе, так называемый “горизонт страха”, удерживающий представление о важном и значимом через мысль о возможной их утрате, но и прямых социально обусловленных страхов перед возвращением к временам массовых репрессий. Уровень последних поднялся со стабильных 8–12% (в “нулевые” годы) до 37%, но затем, после Крыма и общей эйфории, опустился до 15–20%. Страх этого рода реанимирует памятные по советскому времени модели конформистского поведения и, как говорилось выше, представления, о чем можно говорить, а о чем нельзя.

Подобные нормы поведения стремительно восстанавливаются даже у молодежи (через представления, доставшиеся от предыдущих поколений, социальный контроль родителей, неформальные структуры общения в коллективах). Свыше 60% опрошенных россиян говорят, что большинство людей сегодня боится и не хочет открыто высказывать свои взгляды, мнения и отношение к власти (однако применительно к себе самим в этом признаются менее 20%). Такой страх подавляет как продуктивную мотивацию, потенциал идеалистических, ценностных установок, так и саму возможность понять причину беспокойства и тревоги. Страх этого типа проявляется не тогда, когда человека лишают самого необходимого (состояние абсолютной бедности), а тогда, когда он утрачивает признание или одобрение своего окружения (например, в результате потери социального или демонстрируемого потребительского статуса).

Диффузный страх охватывает сегодня прежде всего тех, чей уровень жизни и социальный статус вырос в период потребительского бума, и кто теперь постепенно теряет почву под ногами¹⁰. У людей, подавленных государством, а потому лишенных чувства гражданского достоинства, не возникает солидарности с согражданами, не возникает

нация (как политический союз), не формируется ответственность и готовность к участию в общих делах. Как писал Юрий Левада, этим человеком легко манипулировать и управлять, но его трудно изменить¹¹. Фрагментарность социума воспроизводится самим фактом недоверия к другому/другим, подозрительностью в общении, упреждающей агрессивностью и враждебностью. Эта априорная недоверчивость и подразумеваемая враждебность Другого (проекция собственной агрессивности на других людей) создает дистанцию между людьми и воспроизводит общую асоциальность отношений, однако власть как держатель коллективных представлений и символов единства компенсирует эту дистанцию. Люди начинают бояться до того, как нечто случилось, и это сразу снижает ценностный уровень оценки происходящего и окружающих и актуализирует страх перед изменениями, боязнь нового, недоверие к реформаторам.

Симптомы такого дезориентированного и испуганного сознания проявляются в форме убежденности, что сделать ничего нельзя, все продажны, власть воровата, а также в форме широко распространенной бытовой мистики и фатализма, хронически негативном фоне восприятия текущих событий, ощущении, что жизнью обычных людей распоряжаются враждебные силы, с которыми отдельно человеку не только что не справиться, но и пытаться не стоит. Отсюда популярность надежды на чудо и оборотная сторона такого сознания — убежденность в том, что кругом враги, вера в мировые заговоры, приверженность традиционализму¹². Именно эти установки населения (а не собственно интенции власти) и определяют инерцию общества в целом. Чем сильнее бюрократическое давление и принудительная регламентация, тем быстрее активизируются давние, неформализованные, но от того более действенные и живые навыки социальной “декомпрессии”.

Люди вынуждены жить в тех социальных формах, которые они застали на момент завершения социализации, вступления во взрослую жизнь и которые представляются им “естественными”, то есть обладающими свойствами “нормальности”. Для осознания

“специфичности” наличного порядка (идеи, что жизнь может быть устроена иным образом, не так, как сейчас в России) нужна “Культура” — обращение к другим смысловым пластам и значениям, нежели те, что определяют рутинное течение повседневности и обычного потребления, другие каналы социализации. Сегодня на это способна лишь очень небольшая часть населения, накопившая человеческий и социальный капитал (который воспроизводится по меньшей мере на протяжении двух-трех поколений жителей мегаполисов, людей с высшим образованием и доступом к книжной культуре, знакомых — пусть отвлеченно, опосредованно — с жизнью в других странах).

На этом фоне “советский человек” не столько “всплывает” на поверхность из глубины коллективной памяти, сколько заново воспроизводится в новых обстоятельствах. Отличительное свойство этого социального типа — опыт приспособления к репрессивному государству с установкой на физическое выживание во всех возможных пертурбациях. Основа ресоветизации — изменение институциональных практик, а не восстановление коммунистической доктрины, от которой ничего не осталось, кроме веры в исключительность собственной нации и зависти к богатым.

“Идеология”¹³ путинского правления не соответствует представлению об идеологии, памятному по советским временам; но это не значит, что идеологии в путинской России нет. Сила нынешней идеологии заключается в эклектизме (*См. также рассуждение об идеологическом инструментарии нынешнего российского режима в рецензии Марлен Ларюэль в этом номере “Контрапункта” — Прим. ред.*), готовности сочетать традиционализм, имперскую риторику и современный политический прагматизм. Кремлевские политтехнологи заняты не продуцированием новой смысловой реальности, а закреплением смеси из обломков старого и постмодернистского релятивизма. Образуется сплав из Сталина и Деникина, реакционного мракобесия и потребительского гедонизма нуворишей. Архаический церковный стиль без труда сопрягается с языком “побежденных” — демократов, либералов, сторонников правового государства (что не

мешает дискредитации их самих).

Этот идеологический синкретизм удерживается благодаря массмедийному конструированию реальности, с одной стороны, и государственным церемониалам — с другой. Количество церемониалов и их значимость (благодаря СМИ) резко возросли; сами церемониалы стали гораздо многолюднее. Массовые государственные ритуалы помогают организовать национальный консенсус в условиях слабости формальных институтов (что характерно для тоталитарных систем господства)¹⁴, создавая у людей ощущение сопричастности и единства.

Нынешняя идеология, в отличие от коммунистической, не предлагает стройной доктрины и выстроенной системы аргументов; сегодняшние формы манипуляции массовым сознанием апеллируют к “чувствам” населения, психологизируя “врага” или “оппонентов”, задавая близкую к обыденности и потому понятную населению интерпретацию мотивов действующих лиц и смысла всего происходящего. Подобные идеологические инъекции не предполагают развернутого обоснования высказываемых мнений и оценок. Если в советское время пропагандистско-агитационная работа строилась на многократно дублируемых “политинформациях”, партийных собраниях, занятиях в школах и вузах, то пропаганда, практикуемая сегодняшним режимом, использует массмедийные технологии и короткие, агрессивные форматы. Ее отличительными чертами является обобщающая примитивизация: она избегает конкретики, социальной проблематики, нивелирует особенности институционального контекста, а значит, и различия мотиваций тех, о ком идет речь. Основное внимание уделяется ценностным установкам, предубеждениям; они оттесняют на второй план фактическую сторону дел и получают самостоятельную жизнь в массовом сознании, замещая собой реальность.

В таком отображении действительности понятие законности подвергается глубокой эрозии и настолько утрачивает определенность, что новые публикации о панамских офшорах, хищениях в космической промышленности или при строительстве космодрома,

в министерстве культуры или в региональных администрациях практически не производят впечатления на публику. Поэтому ни коррупционные скандалы, ни другие обстоятельства, дискредитирующие высокопоставленных чиновников и политиков, не могут стать причиной общественных волнений или политических действий, направленных на смену режима. Массовая убежденность в коррумпированности политического класса и госаппарата не подразумевает их моральную оценку; для граждан такие истории лишь укрепляют уверенность в том, что между чиновниками и крупным бизнесом существуют тесные, взаимовыгодные отношения: “Только два с половиной миллиарда? А я думал, шестьдесят...”.

Поэтому ни ухудшение условий жизни, ни отдельные провалы или преступления власти не следует рассматривать как угрозу действующему режиму. Пока не будут перейдены пределы адаптации, не будут затронуты *символические структуры всего целого*, со стороны российского общества не следует ждать импульсов к переменам. Для разных групп эти пределы разные, но суть их одна: только *разрушение коллективных символов*, а не физическое ухудшение жизни ведет к общему системному кризису, при котором действия населения или отдельных общественных групп приобретают принципиальное значение.

Краткосрочный вариант прогноза: рецессия, шантаж и общая нерешительность

В обозримой перспективе серьезных изменений во внутренней политике ожидать не стоит. Фаза “рутинизации” в конфронтации России с внешним миром может растянуться на неопределенно долгое время — если власть будет проводить относительно осторожную внешнюю политику. Для этого достаточно, чтобы руководство, сохраняя прежний агрессивный тон, тем не менее избегало серьезных эксцессов и военных авантур, стремилось ослабить внешнюю изоляцию и не допустило, чтобы в ведущих странах окончательно закрепились отношения к России как к угрозе. При таком, умеренном, сценарии население

будет скрипеть, но терпеть, поскольку ухудшение социально-экономических условий идет медленно и постепенно. Репрессии будут ограниченными и профилактическими. Цензура, манипуляции общественным мнением, использование административного ресурса останутся на своих местах. Так можно жить еще довольно долго, если не произойдут какие-то экстраординарные события: крах банковской системы, крупная техногенная катастрофа или особенно масштабные военные потери и т.п.

В международных делах более вероятен сценарий чередования “игры на обострение” (политика, направленная на раскол антипутинской коалиции западных стран, шантажные действия в расчете на краткосрочный выигрыш и ослабление санкций) и деэскалации для достижения временных компромиссов с Западом. Усиление милитаристской риторики и провокаций во внешней политике будет проходить одновременно с проведением жесткого курса во внутренней: рост репрессий, подавление гражданских организаций, поддержание в стране состояния агрессивной мобилизации. Подобный агрессивный тон можно удерживать только в условиях роста цен на нефть, позволяющего покупать лояльность силовых структур и финансово-промышленных корпораций, обеспечивать поддержку социальной элиты — групп, от которых зависит техническое функционирование действующего режима. Чрезмерное закручивание гаек в условиях существенного падения уровня жизни населения¹⁵, то есть переход от произвола к террору, потребует системных изменений: принципиально иной (неконсервативной!) идеологии и легитимации режима, формирования специального аппарата для проведения массовых репрессий. К этому нынешняя власть явно не готова: нет ни соответствующих идейных ресурсов, ни подготовленного законодательства, которое могло бы служить основой для судебной практики преследований, мотивации самих исполнителей и их оправдания. Сдерживающее влияние оказывает и память о сталинском терроре и о тех угрозах, которые он создает для функционеров.

Долгосрочным этот курс быть не может,

поскольку такая политика будет вызывать нарастание непредусмотренных дисфункций и в ближайшие 5–6 лет повысит вероятность развала системы, за которым последует период социальной нестабильности, децентрализации, хронических экономических неурядиц и существенное ослабление государства.

Реалистичен (хотя и в меньшей степени) вариант умеренной и эклектичной политики, которую предлагает “кудринская либерализация” — проведение некоторых структурных реформ, смягчение репрессивной внутренней политики. Этот вариант мог бы способствовать сохранению режима, но не развитию — поскольку для развития необходимо последовательное реформирование системы государственного управления, а это противоречит самой сути правления Владимира Путина.

Среднесрочный вариант: системный кризис

Принципиальные изменения во внутренней политике (всегда неожиданные для наблюдателей) могут начаться только в результате общего системного кризиса: если окажется, что продолжение прежнего курса невозможно по целому ряду причин — финансовых, организационных или вследствие такого конфликта интересов в верхнем эшелоне руководства, который не может быть урегулирован привычными средствами. В этом случае изменения принимают характер вынужденных решений (пусть даже по видимости — временных). Только в ситуации, когда ни один из вариантов продолжения политики по принципу “меньшего зла” или “решительного шага” не дает результатов, становятся неиз-

бежными и безотлагательными радикальные институциональные реформы с необратимыми последствиями.

Системный кризис тем и отличается от сбоев в каких-то отдельных сферах управления и господства, что он не может быть преодолен частичными мерами, усилением репрессий или расширением их масштаба: попытки продолжения прежней политики в этих условиях лишь усиливают общую дезорганизацию и утрату управляемости, вызывая нарастающий вал дисфункций¹⁶. Такое развитие приводит к возникновению нескольких центров власти и критической децентрализации ресурсов власти. Иными словами, речь идет не только о серьезном конфликте, а об открытой конфронтации отдельных фракций высшей власти (при этом разные группы внутри бюрократии и окол властных элит вынуждены делать выбор в пользу той или иной стороны конфликта). В этом случае решающее значение имеет апелляция к “народу”, “обществу”, общественности за поддержкой; это придает одной из партий или сторон в конфликте правящих группировок новую (в сравнении с прежней, общей для режима) легитимность, что радикально меняет политическую реальность и расклад сил в стране. Только с такого раскола в верхах с апелляцией к гражданам может начаться оживление внутри общества. Но для того, чтобы это произошло, стороны конфликта должны иметь соизмеримые силы и легитимность. После этого может начаться массовое участие в акциях протеста против режима и/или в акциях поддержки альтернативной политической “платформы”.

Начало “апелляции к большинству” какой-то фракции номенклатуры или партии (кроме партии власти или ОНФ) и будет обозначать пределы понижающей адаптации.

Примечания

- 1 Об особом состоянии общества можно судить по показателям рейтинга Владимира Путина в соответствующие периоды. См. *Владимир Путин: восприятие и доверие* // Левада-центр. 2016. 8 августа. URL: <http://www.levada.ru/2016/08/08/vladimir-putin-vospriyatie-i-doverie/> (доступ 17.09.2016).
- 2 ZASLAVSKY V. *Soviet workers in times of transition* // BONNELL V., BRESLAUER G. (Eds.) *Russia in the New Century: Stability or Disorder?* Boulder: Westview Press, 2000. P. 201–230; ZASLAVSKY V. *Contemporary Russian society and its legacy: The problem of state-dependent workers* // GRANCELLE B. (Ed.) *Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe*. New York — Berlin: De Gruyter, 1995.
- 3 Поэтому неудивительно, что МИД и силовой блок режима — армия, ФСБ, связанные с именно с политикой президента, в 2014–2015 году подняли свой авторитет и сохраняют его по настоящее время, оттесняя на второй план правительство и РПЦ и тем более — полицию, суд и прокуратуру.
- 4 Инвестиции в человеческий капитал характерны главным образом для продвинутых групп населения мегаполисов. При абсолютном росте подобных капиталовложений в 2003–2012 годах в целом по стране их доля в структуре расходов населения не изменилась, а начиная с 2014 года стала снижаться. — см.: Красильникова М. *Российский потребитель – меняется ли он?* // Вестник общественного мнения, 2016, №1–2. С.86–94.
- 5 Потенциал протеста начал расти в начале 2016 года, но рост этот незначительный и носит локальный характер. Если не будут задеты те моменты, которые, по мнению населения, определяют параметры “достойной” или “нормальной жизни” (не физическое выживание, а минимальные представления о том, без чего “нормальная жизнь” не складывается), протест останется на какое-то обозримое время невысоким и аморфным; вероятность того, что он может перерасти в организованное общественно-политическое движение, крайне невысока, особенно если учесть явную готовность власти к жестким полицейским мерам подавления.
- 6 Одним из признаков подобной тактики понижающей адаптации можно считать массовый уход в “тень” малого бизнеса, заметный уже в 2013 году после усиления налогового давления. Особые масштабы такое поведение приобрело осенью 2014 года и в 2015 году. Размеры теневого или “серого” сектора экономики оцениваются по-разному (от 20 до 30% экономически активного населения, то есть от 15–18 до 22 млн человек). См., например: Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (Общ. ред.) *В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014; Капелюшников, Р. И. *Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения?* [препринт WP3/2012/04]. М.: Изд. дом “Высшей школы экономики”, 2012. С.32; Росстат: в “неформальном” секторе экономики занято 20 млн человек // Newsru.com. 2013. 18 июля. URL: <http://www.newsru.com/finance/18jul2013/golodez.html> (доступ 08.09.2016); Почти 22 миллиона человек в нашей стране работают в неформальном секторе // Российская газета. 2013. 24 апреля. №6065 (89). URL: <https://rg.ru/2013/04/24/nsektor.html> (доступ 08.09.2016). Уход в сектор неформальной занятости (а значит, недоучет госстатистикой реальных доходов населения) существенно смягчает негативное воздействие кризиса, снижая социальное напряжение. Но подобно увеличению объемов коррупции или возбуждаемых уголовных дел против предпринимателей, гипертрофия неформальной экономики является симптомом пассивного сопротивления общества.
- 7 Для полу- или недомодернизированных обществ с уже разрушенной системой традиций, но так и не ставших демократиями, не сумевших построить правовое государство, апелляция к “большинству” является сильнейшим элементом популистской легитимации авторитарной или тоталитарной власти. См., также: Розанваллон П. *Демократическая легитимность*. М., Московская школа гражданского просвещения, 2015; Даль Р. *Демократия и ее критики*. М., РОССПЭН, 2003. С. 357.
- 8 В 2015 году среди крупнейших получателей государственных средств оказались соучредители движения “Антимайдан” – “Ночные волки” и “Боевое братство”. Они же, а также структуры РПЦ, оказались среди крупнейших получателей в середине 2016 года. См. Мухаметшина Е. *Президентские гранты за 2015 год получают и патриоты, и иностранные агенты* // Ведомости. 2015. 22 октября. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/10/23/614031-prezidentskie-granti-2015> (доступ 08.09.2016).

- 9 См. опрос, проведенный Фондом борьбы с коррупцией в июле 2016 года, в преддверии парламентских выборов; результаты свидетельствуют о крайне низкой узнаваемости практически всех политических активистов оппозиционного толка (*Соцопрос ФБК: Яблоко, Парнас, Партия Роста // Навальный*. 2016. 3 августа. URL: <https://navalny.com/p/4984/> (доступ 08.09.2016)). См. также: *Доверие к политикам, 2009–2016 гг. // Вестник общественного мнения*. 2016, №1-2 (122), С. 9.
- 10 Быстрое расползание страха характерно в первую очередь для российского “среднего класса” — самых продвинутых и образованных групп населения мегаполисов (в первую очередь Москвы, в терминологии Натальи Зубаревич - “Россия-1”), а также зависимого от бюрократии и аффилированного с государством бизнеса. Именно в этой социальной среде противоречия и конфликты, порождаемые в результате авторитарного подавления модернизационных процессов, воспринимаются наиболее остро. Здесь разрыв между лояльностью власти и сознанием приближающегося эволюционного тупика достигает критического максимума.
- 11 Левада Ю.А. (Отв. ред.) *Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х*. М., Мировой океан, 1993. С.8 и 24.
- 12 Беспомощность трансформируется в фатализм, мистику и мракобесие, происходит канализация диффузного повседневного насилия и аномии в поиски “чудесной силы”: упования на помощь “свыше”, передачу ответственности “вождю” или специальному институту — РПЦ. При этом по мере усиления государственного давления универсалистские, более рационализированные догматы христианства, этические регуляторы теряют свою силу и замещаются суевериями, примитивной магией преимущественно защитного свойства. 60% россиян считают, что их жизнь predetermined судьбой и изменить в ней мало что можно, как ни старайся. От 40 до 50% россиян регулярно, судя по социологическим опросам, склонны к использованию магических практик, верят в чудодейственные средства (нетрадиционного лечения, обеспечения успеха, благополучия), тем более что различного рода иррациональные взгляды и верования провоцируются телевидением и поддерживаются церковью. В религиозные чудеса, в приметы, порчу, сглаз, верят 55-60% опрошенных; в существование ада — лишь 37%, в Царство небесное — 40% (опрос 2015 года). О вытеснении естественнонаучных представлений и говорить не приходится, идет мощная дискредитация научных авторитетов, самих ценностей объективного рационального знания.
- 13 Об особенностях “идеологии” нынешнего режима см. ЛИРМАН М. *Putin’s Besieged Fortress and Its Ideological Arms // ЛИРМАН М., ПЕТРОВ Н. (Eds) The State of Russia: What Comes Next*. London: Palgrave MacMillan, 2015. P. 110–136.
- 14 Особое значение приобретают военные парады, демонстрации, митинги в поддержку властей, акция “Бессмертный полк” или ее аналоги в областных центрах; профессиональные и городские праздники, массовые гуляния и увеселительные мероприятия; крестные ходы, массовые поклонения православным реликвиям. Все массовые акции такого рода неукоснительно транслируются по основным каналам ТВ.
- 15 К настоящему моменту падение уровня жизни составляет примерно минус 20% к уровню 2012 года — это болезненно для населения, но не критично для массового одобрения власти.
- 16 Именно так развивались события в 1989–1991 годах: предотвратить распад СССР руководство пыталось путем ужесточения контроля или противодействия сепаратистам — введением энергетической блокады, использованием военной силы для подавления массовых выступлений в республиках и т.п. Однако подобные действия оказываются нерезультативными, если правительство испытывает острый дефицит финансовых ресурсов и/или легитимности (отчего его команды попросту не исполняются). И именно такое сочетание дефицитов только и может привести к общественному возмущению, поскольку в этом случае государственное принуждение будет восприниматься как несправедливое лишение того, что “людям положено”, то есть как полный произвол и разрушение оснований “нормального” социального порядка - как это дважды происходило в относительно недавней истории: в 1998 и 2005 годах.